

Глава 1

Сознание Лю Цзинхэна угасало.

Неужели в момент смерти возникают слуховые галлюцинации?

— Где ты учишься? — раздался старческий, но всё ещё бодрый голос.

— Председатель Цинь, я изучаю стоматологию в медицинском институте при университете Цзиньхай, — следом за ним послышался ясный и мягкий мужской голос.

— А Юньцин только что получил рекомендацию в Университет Гонконга. Как только пройдёт аттестацию, он станет учеником самого авторитетного специалиста по стоматологии во всей стране, — произнёс другой, столь же молодой мужской голос, в котором звучали нотки самодовольства.

Глаза Лю Цзинхэна под закрытыми веками медленно шевельнулись. Юньцин? Где же он это слышал?

После долгих и мучительных раздумий в его сознании забрезжил свет.

Лю Цзинхэн вздохнул. Не стоило ему перед смертью слушать аудиокнигу о властном президенте. Теперь даже предсмертные видения приняли облик главных героев романа.

— Проснулся — так не притворяйся, — внезапно раздался у самого уха низкий, раздражённый мужской голос.

Лю Цзинхэн нахмурился. Это... Биань или Уцзю?

Он медленно открыл глаза, чтобы выяснить, кто перед ним. Раньше ему доводилось видеть стражей загробного мира лишь в кино, и теперь он хотел убедиться, действительно ли у них такие же свирепые лица и длинные языки, как их изображают.

Но то, что он увидел, заставило его застыть на месте.

Кто это?

Перед ним, на фоне роскошного, великолепно обставленного особняка, стоял поразительно красивый мужчина с волевыми чертами лица. Рядом сидели седовласый старик и молодой человек, изящный и благородный, словно яшмовое дерево. Все трое смотрели прямо на него.

Лю Цзинхэн: ...?

Видимо, дела сейчас у всех идут неважно. Чтобы переманить души, даже преисподняя перешла на высочайший уровень обслуживания.

— Студент Лю, мы и так уже надолго задержали Чуяо и председателя Цинь. Ты же говорил, что у тебя днём занятия. Пойдём? — спокойно спросил изящный юноша.

Красивый мужчина остановил его:

— Пусть этот Лю сам выметается. Юньцин, останься пообедать с моим дедушкой.

Лю Цзинхэн.jpg

Он ничего не понимал.

Но имена Юньцин и Чуяо были ему до боли знакомы.

Спустя десять минут работы его старенький процессор наконец выдал результат, и Лю Цзинхэна осенило:

«Я не умер. Я переродился».

Дни, проведённые в ожидании смерти и отказе от лечения, были долгими и скучными. К счастью, девочка на соседней койке любила шумные компании. К ней то и дело приходили многочисленные родственники и, чтобы развлечь её, читали вслух её любимый даньмэй-роман.

Позже, когда операция закончилась неудачей, её семья, обнимая любимую книгу дочери, собралась у кровати. Мать, в панике перелистывая страницы, рыдала:

— Доченька, открой глазки, ты ведь ещё не дослушала историю, которую я тебе читала.

— «Лю Цзинхэн стоял в тени, его мрачный взгляд был прикован к нефритовой спине Чэн Юньцина. Он не мог позволить, чтобы Чэн Юньцин одной лишь фразой завоевал расположение старого господина. Жениться на Цинь Чуяо должен только он! Взгляд Лю Цзинхэна метнулся к лестнице, и на его губах заиграла торжествующая улыбка».

Девочка испустила последний вздох:

— Это место... уже читали...

Прослушав несколько дней подряд историю о властном президенте, Лю Цзинхэн наконец осознал:

«Злодей-интриган из романа — мой полный тёзка».

«Возвращение любви» — невероятно популярный даньмэй-роман, в котором главный герой и его возлюбленный учатся в одном университете. Герой, Цинь Чуяо, влюбляется с первого взгляда и, чтобы завоевать сердце неприступного «цветка на высокой горе», шаг за шагом преодолевает все препятствия.

Чтобы подчеркнуть обаяние главного героя, автор ввёл в сюжет мрачного интригана-злодея, который был его ярким поклонником. Чтобы войти в богатую семью, злодей поставил себе главную задачу — устранить «цветок на высокой горе».

Используя свои непревзойдённые интриганские таланты и выдающийся актёрский дар, злодей очернил репутацию Чэн Юньцина, из-за чего вся семья выступила против их отношений. Воспользовавшись моментом, злодей своим красноречием так очаровал деда главного героя, что старый господин, ударив кулаком по столу, заявил:

— Кроме Цзинхэна, всякая шелупонь пусть убирается туда, откуда пришла!

В конце, согласно канонам жанра, истинная сущность злодея была раскрыта. Главные герои жестоко его наказали, и он отправился в место, где не нужно было беспокоиться ни о еде, ни об одежде — потому что ни того, ни другого там не было.

— Ты уходишь или нет?

Медленно работающий процессор Лю Цзинхэна прервал свою работу из-за грубого окрика.

Цинь Чуяо уже давно велел ему убираться, но Лю Цзинхэн, словно каменное изваяние, застыл на диване, и терпение хозяина дома иссякло. Если бы не тот факт, что он состоял в одном клубе с Юньцином, смог бы он вообще сегодня переступить порог этого дома?

Спустя мгновение Лю Цзинхэн, глядя на роскошный потолок, протяжно вздохнул.

Раз уж умер, так умер. Зачем его снова вернули к жизни? Нужно скорее отыграть свою роль и вернуться в землю, чтобы упокоиться с миром.

Лю Цзинхэн огляделся.

Эта сцена показалась ему смутно знакомой.

В романе, при первой встрече, дедушка Цинь Чуяо был очарован Чэн Юньцином. Старик, начавший с нуля, в молодости не получил образования и восхищался такими интеллектуалами, как Чэн Юньцин. К тому же, приятная внешность юноши окончательно его покорила.

Злодей, чьи глаза были не только для красоты, прекрасно понимал, что решение старика имеет огромное значение, и тут же придумал план.

Он инсценировал падение с лестницы и выкрикнул в адрес Чэн Юньцина классическую злодейскую фразу:

— Я искренне считал тебя другом, почему ты хочешь мне навредить! Ты злодей!

После этого он сел в инвалидное кресло, чтобы вызвать сочувствие, и хитростью заставил старика возненавидеть Чэн Юньцина.

Вспомнив сюжет, Лю Цзинхэн решительно сжал кулаки. «Я — коварный интриган. Чтобы вся страна могла наслаждаться чаем „Лунцзин“, я должен пожертвовать собой».

Лю Цзинхэн поднялся и, посмотрев на с любопытством разглядывавшего его господина Цинь, из вежливости поклонился:

— Дедушка, я тогда пойду.

Старик кивнул: «Хорошо», — и больше ничего не сказал.

А вот Цинь Чуяо не унимался и кричал ему в спину:

— Вечно ты копаешься, давно пора было убраться! Рожа толще, чем крепостная стена.

Цинь Чуяо из романа был вспыльчивым. Выходец из богатой семьи, с привлекательной внешностью, он всегда был окружён поклонниками, и намерения этих «цветочных бабочек» он видел насквозь.

Хрупкая фигура Лю Цзинхэна пошатнулась, и он, качнувшись, подошёл к винтовой лестнице.

Главный герой, Чэн Юньцин, последовал за ним:

— Чуяо, я провожу студента Лю.

Лю Цзинхэн глубоко вздохнул. «Пора начинать».

— Прости, студент Лю, сегодня мы не можем оставить тебя на...

Не успел Чэн Юньцин договорить, как увидел, что Лю Цзинхэн медленно присел, а затем лёг на пол и, словно скользкий кальмар, соскользнул с разделочной доски.

На полпути он отклонился и ударился головой о перила.

Он потёр затылок, на мгновение задумался, а затем, подвинув таз, выровнялся точно по центру лестницы и продолжил съезжать.

Его спуск, проходивший с невероятной скоростью в пять сантиметров в час, завершился. В итоге он, раскинув руки и ноги в форме звезды, безвольно лежал на полу, глядя в потолок.

Лю Цзинхэн смотрел вверх, и его сердце бешено колотилось.

Он родился с транспозицией магистральных артерий, что приводило к нарушению кровотока, частой одышке и стеснению в груди. Обычные физические нагрузки для него были сродни смертельному испытанию.

После спуска с десятка ступеней сердце забилося так сильно, что в ушах зазвенело, а перед глазами всё поплыло.

Чэн Юньцин, остолбенев на мгновение, быстро спустился по лестнице и, приподняв Лю Цзинхэна, начал осматривать его:

— Ты в порядке?

Лю Цзинхэн тупо смотрел на лестницу, не говоря ни слова. На его лице отчётливо читалось одно слово: «Смерть».

Цинь Чуюя и старый господин, услышав шум, поспешили посмотреть, что случилось.

Лю Цзинхэн, собрав последние силы и услышав шаги, с трудом сделал глубокий вдох.

В голове царил хаос, словно клубок ниток, с которым поиграл котёнок, но миссию злодея нужно было выполнить.

Он приоткрыл рот, его губы слегка посинели:

— Чэн Юньцин, я искренне хочу тебе навредить! Зачем ты считаешь меня другом, ты... ты злой...

Мысли путались, и слова срывались с губ невпопад.

— Ты опять с ума сходишь? — Цинь Чуюя, сбежав по лестнице в три прыжка, пнул Лю Цзинхэна по руке. — Не сдох ещё? Если нет, то вставай и катись отсюда.

Лю Цзинхэн, видя, что Чэн Юньцин никак не реагирует, решил, что тот его не расслышал.

Повторим.

— Чэн Юньцин... я искренне хочу тебе навредить... — Чёрт, опять не то.

Чэн Юньцин, поддерживая его, кивнул:

— Я заметил.

— Злой... злой... — Лю Цзинхэн, из последних сил, продолжал добросовестно играть роль злодея.

Не успев произнести последнее слово «человек», он склонил голову набок и потерял сознание.

Старый господин, наблюдавший за этой сценой, на мгновение задумался и произнёс:

— Сначала в больницу. Нехорошо, если в нашем доме в этом году прольётся кровь.

Он позвал нескольких слуг, вызвали скорую, и толпа, суетясь, вынесла Лю Цзинхэна наружу.

Он был очень лёгким, почти невесомым. Свободная рубашка висела на его худом теле, а свисавшее с носилок запястье было тонким и хрупким.

Цинь Чуяо облегчённо вздохнул и, опустив руки с боков, посмотрел на Чэн Юньцина:

— Пойдём? Я велел на кухне приготовить твои любимые блюда.

Чэн Юньцин долгим взглядом проводил машину скорой помощи.

Через несколько мгновений он покачал головой:

— Я поеду с ним, посмотрю, что и как.

Только он собрался уходить, как его запястье крепко схватили.

Обернувшись, он встретился с горящими гневом глазами Цинь Чуяо:

— Даже если он умрёт, это тебя не касается. Зачем ты лезешь в это дело?

Чэн Юньцин снова покачал головой, повторяя лишь одно:

— Я просто посмотрю.

Как только он ушёл, Цинь Чуяо схватил диванную подушку и с силой швырнул её на пол. Подушка отскочила и улетела в дальний угол.

Весь план по знакомству с родителями был испорчен этой «цветочной бабочкой». Лучше бы он сдох прямо в больнице. И это не были пустые слова.

В этот момент голоса слуг: «Добрый день, господин Цинь», — вернули Цинь Чуяо к реальности. Он инстинктивно повернулся на звук.

Снаружи в дом широкими шагами входил высокий мужчина. Идеально скроенный костюм облегал его узкую талию и длинные ноги, а от быстрой ходьбы за ним словно тянулся шлейф холодного ветра.

Как только мужчина вошёл, брошенная Цинь Чуяо шёлковая подушка, проехав по плитке, остановилась у его ног.

Взгляд Цинь Чуяо следовал за мужчиной, а его тело внезапно напряглось до предела, готовое

вот-вот сломаться.

— Дядюшка, вы вернулись, — Цинь Чуяо изо всех сил постарался изобразить послушную улыбку, его руки невольно сцепились.

Повозившись мгновение, он спохватился и, подняв подушку, положил её на место.

Мужчина, которого называли дядюшкой, коротко хмыкнул и, не взглянув на него, направился вверх.

Цинь Чуяо, словно танцовщица из музыкальной шкатулки, повернулся, его глаза сияли улыбкой. Лишь когда фигура мужчины скрылась из виду, он с облегчением выдохнул, будто спасся от верной гибели.

В больнице.

Чэн Юньцин, взяв у врача заключение КТ, посмотрел в сторону палаты напротив.

Врач поправил очки:

— К счастью, внешних повреждений нет. Пациент потерял сознание из-за врождённого порока сердца, падение с лестницы вызвало сердечный приступ.

Чэн Юньцин удивлённо приподнял бровь:

— Врождённый порок сердца?

— Да, довольно сложная форма транспозиции магистральных артерий.

Чэн Юньцин глубоко нахмурился.

Это было... неожиданно.

Он познакомился с Лю Цзинхэном в университетском клубе дебатов. Лю Цзинхэн сам подошёл к нему первым, и их отношения можно было назвать лишь шапочным знакомством. Но Лю Цзинхэн, казалось, думал иначе: он постоянно лип к нему, как банный лист, и пытался разузнать о его личной жизни.

Однако сам Чэн Юньцин ничего о нём не знал.

Врождённый порок сердца? Но этот человек вечно носился как угорелый, полон энергии, а несколько дней назад даже звал его в поход в горы.

Чэн Юньцин очнулся от раздумий и спросил у врача:

— Каковы шансы на излечение при таком заболевании?

— Состояние довольно сложное. Если пациент будет вовремя принимать лекарства, перенесёт операцию, будет правильно питаться и избегать стрессов, то сможет прожить ещё несколько лет.

— Несколько лет... — изящные брови Чэн Юньцина, словно луки, сошлись у переносицы.

Врач кивнул и, дав ещё несколько рекомендаций, ушёл.

Чэн Юньцин долго смотрел на закрытую дверь палаты, прежде чем прийти в себя.

Он осторожно толкнул дверь в палату Лю Цзинхэна. Юноша на кровати был настолько худ, что даже под толстым одеялом его фигура едва угадывалась.

Лю Цзинхэн спал спокойно. Его бледное лицо было похоже на свежесвыпавший снег, а маленькая алая родинка на кончике носа — словно капля крови, упавшая на белоснежную яшму. Это было единственное яркое пятно на его лице.

Чэн Юньцин сел у кровати и долго смотрел на лицо Лю Цзинхэна, а затем тихо рассмеялся:

— «Злой, злой»? Почему ты вдруг начал капризничать?

— М-м-м... — донеслось с кровати сонное бормотание.

Чэн Юньцин тут же перестал улыбаться, его лицо снова стало отстранённым и серьёзным.

Когда Лю Цзинхэн очнулся, ему показалось, будто его тело пропустили через мясорубку, безжалостно перемалывая кости и плоть в единый фарш.

Картина перед глазами постепенно прояснялась, и он увидел знакомое и в то же время незнакомое лицо.

— Ты проснулся. Как себя чувствуешь? — голос Чэн Юньцина был ровным и спокойным.

Лю Цзинхэн протёр глаза, пытаясь рассмотреть его получше.

Лицо, в точности соответствующее описанию в романе: тёмные волосы, алые губы, глаза, подобные туманным окнам после дождя. Ясные черты его лица дышали утончённостью и благородством, которые даёт лишь жизнь в достатке и заботе. Он был похож на холодный серп луны в воде, сияющий и окружённый мягким светом.

Лю Цзинхэн долго молчал, вспоминая, что находится в мире книги и ждёт своего часа, чтобы подставить главного героя. Поразмыслив, он понял, что некоторые детали были упущены.

В романе, когда злодей выкрикивал фразу «Я считал тебя другом», он, чтобы подчеркнуть эмоции, сжимал руки в кулаки так, что на них выступали вены.

Лю Цзинхэн медленно посмотрел на Чэн Юньцина, затем поднял руку и с силой сжал пальцы, сопровождая это леденящим душу взглядом:

— Злой, злой человек...

Лицо Чэн Юньцина оставалось суровым. Он долго смотрел на него, затем отвернулся и прикрыл рукой губы, чтобы сдержать неудержимый смех.

— Какой номер телефона у твоих родителей? Врач сказал, что нужно связаться с семьёй и подробно обсудить твой порок сердца, — сменил он тему.

— Родители... родители... — пробормотал Лю Цзинхэн, а затем, вспомнив, сказал: — У меня их нет.

Пальцы Чэн Юньцина, лежавшие на коленях, замерли. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но его прервал звук уведомления о сообщении на телефоне.

Он открыл сообщение. Хотя в тексте не было эмоций, он словно видел иероглифы, превращающиеся в язычки пламени:

□От: Цинь Чуяо

Содержание: Обед готов, когда ты вернёшься?□

Посмотрев на экран, Чэн Юньцин тихо вздохнул и поднялся:

— Я обещал Цинь Чуяо пообедать с его бабушкой. Ты пока отдыхай, я зайду позже, когда будет время.

Лю Цзинхэн смотрел на лицо Чэн Юньцина, его мозг медленно работал.

Как злодей-интриган, он должен был на ранних этапах романа всячески мешать развитию отношений между главными героями.

Нет, Чэн Юньцин не должен уходить.

<http://bllate.org/book/14550/1289017>